

Отзыв официального оппонента
о диссертации Лады Владимировны Шиповаловой
«Научная объективность в исторической перспективе»,
представленной на соискание учёной степени доктора философских наук
по специальности 09.00.08 – философия науки и техники

В науке объективность не является *проблемой*. Любой настоящий учёный всегда стремится узнать только одно - как на *самом деле* устроен мир, что произошло в *действительности*, а не по мнению тех или иных людей, какова *истинная причина* того или иного явления или события, что присуще *объекту* исследования *самому по себе*, совершенно независимо от самого исследователя и других людей. Не имеет значения, о каких объектах идёт речь: о числах, геометрических фигурах, минералах и кристаллах, живых существах, человеческих сообществах или форме береговой линии Антарктиды. Для любого учёного это совершенно очевидно и само собою разумеется. Познание независимой реальности – самое главное в научной объективности, остальное (повторные проверки, непредвзятость, беспристрастность, критическое отношение, дискуссии и т.п.) – вторично, производно и второстепенно, подчинено главной задаче. Без этого стремления к объективной истине, к подлинному знанию мира, природного, социального или духовного, наука немыслима, невозможна. Более того, в этом состоит её *главное устремление*, в этом заключается сама её сущность как *познавательной* деятельности. В этой объективности заключена и *абсолютная, высшая ценность* науки: только у учёных можно узнать, как устроен мир, что имело или имеет место в действительности. Больше просто не у кого. Человек, который не различает субъективного и объективного, истинного и ложного, не стремится к объективной истине, к познанию того, как обстоят дела в действительности, не имеет отношения к науке. Более того, учёный, который не стремится в самом ходе исследования и в изложении его результатов *только к этому*, не заслуживает имени учёного, и предаёт науку ради иных интересов. Включение этих посторонних интересов в саму ткань научного исследования для учёного позорно. Никакая «постнеклассика» и никакой «постмодерн» ничего не изменяют в этом существе науки.

Иное дело – философ, который смотрит на научную деятельность и её результаты со стороны, в некоторого рода «рефлексии» (или сам учёный, если он философствует, а не занимается своим прямым делом). Философ науки думает уже не об объекте, а о

науке, т.е. о знании об объекте, и этот объект ему виден исключительно сквозь призму научного знания о нём. К тому же и научное знание философ представляет, так сказать, обобщённо, не будучи профессионалом. Поэтому философ изначально имеет дело с обобщённо и довольно неопределённо представляемой субъективно-объективной реальностью и имеет, разумеется, полное право поставить под вопрос достоверность, обоснованность знания и тем самым подвергнуть сомнению (как сейчас любят говорить, «проблематизировать») *реальность* тех объектов, которые описывает научная теория, да и вообще отношение научного знания к «самой действительности», к тому, что существует «до и независимо» от человека и человечества. Скажем, Кант написал как-то: то, что для физика – «вещь сама по себе», например, материальное тело, движущееся с некоторой скоростью в пространстве, для философа – только *явление*. Математик мыслит строго научно и совершенно объективно, когда спрашивает, каково отношение длины окружности к её диаметру: это отношение присуще ей самой, как вполне определённому и самотождественному математическому объекту, как и многие другие её свойства, не сразу открытые и установленные математиками. Философ, не интересуясь этими свойствами, задаётся общим вопросом о характере реальности математических объектов вообще, их отношении к сознанию, чувственности, мышлению, материальному миру «в себе», Богу и т.д. Только для философа объективность математики или физики – проблема, поскольку он стремится включить эти науки и их объекты в более широкую общность, подвести их под более общие и предельно общие понятия. Вопрос о том, означает ли подобная философская рефлексия над наукой более глубокое и основательное знание, чем само научное, имеет ли оно большую важность, более высокую ценность, чем конкретное научное знание, преодолевает ли философ некую «ограниченность» учёного, не замечающего «вплетённости» мнимо самостоятельных «объектов природы» в человеческую деятельность, в сознание и т.д. – это вопрос дискуссионный. Не случайно многие выдающиеся учёные весьма скептически и иронически оценивали деятельность философов по «обоснованию» науки (вспомним, например, Ландау или Фейнмана). Вполне можно обсуждать вопрос о том, не являются ли эти «основания» мнимыми, не заключается ли философская работа в производстве тощих абстракций, которые не указывают на более глубокую реальность, нежели реальность, описываемая наукой, а напротив, уводят от неё, заслоняют конкретное и с большим трудом и талантом добываемое научное знание о реальном мире скучными определениями, получаемыми без особого труда анализом текстов и комбинированием

слов. Это вопрос спорный. Несомненно одно: нужно проводить *принципиальное различие* между стремлением к объективности «внутри» самой науки и философской проблемой объективности, между мотивами, идеями и деятельностью самого учёного и его внешней интерпретацией и оценкой со стороны философов. Мне кажется, что в диссертации это различие не проводится достаточно ясно, что приводит к слишком сильным и не вполне корректным утверждениям. Например, автор пишет: «Главный тезис данного исследования состоит в том, что в самом существе понятия объективности... всегда уже присутствует историчность, причём именно в том проблематичном для науки смысле, который отсылает к многообразию и к деятельности людей» (с.4 автореферата, курсив мой). В той идее объективности исследования, которой явно или неявно но непременно руководствуется математик, физик, химик, экономист и социолог в своей работе, я думаю, никакая историчность не присутствует, она появляется лишь для историка или философа науки, размышляющего над их жизнью и над полученным ими знанием. Но в «*предметное пространство различных направлений научного исследования*», как пишет диссертант (там же, с. 3, курсив мой), понятие объективности не входит.

В философии науки *объективность*, действительно, – важнейшая и трудная проблема. Не раз приходилось сталкиваться с попытками философски дискредитировать это понятие. Крупное достоинство представленного исследования уже в том, что автор за эту классическую проблему взялся, и ещё более крупное – в оригинальной попытке преодолеть «научную войну» между релятивизмом и, как обозначает эту позицию автор, «реализмом» или «рационализмом», между логико-эпистемологическими и историко-социо-культурологическими исследованиями науки, в том числе посредством обращения к истокам понятия объективности и к философской классике. Эта попытка интересна и во многом удалась. Стремление автора преодолеть враждующие односторонности, понять их необходимость, дополнительность, общее основание, если угодно, своеобразную «напряжённую гармонию» (как учил Гераклит), как и скрытый в этой вражде *конструктивный* потенциал, можно лишь приветствовать. В недалёком прошлом, как мне кажется, такой методологический подход назывался *диалектическим*. Надо признать, что Лада Владимировна подходит к проблеме очень основательно (местами, как кажется, даже слишком – едва ли нужно отдельно заниматься в диссертации, например, выяснением того, что такое «термин» или «проблема» вообще), обнаруживает обширные познания в области отечественной и зарубежной литературы, посвящённой проблеме, умеет

анализировать её, выделяя главное, и критически оценивать высказанные в ней идеи, приходя к собственному, оригинальному пониманию. Стремление к основательности, как кажется, иногда даже уводит автора на ложный путь – к подражанию хайдеггеровской манере речи («как в такой ситуации может разворачиваться дело обоснования, как должен осуществляться ход к основанию проблемы?» (с.167)), манере, чуждой науке и создающей лишь видимость глубины там, где речь идёт о простых вещах, а также к некоторому многословию и чрезмерному обилию сносок. В целом же основные положения, вынесенные автором на защиту, весьма обстоятельно аргументированы в тексте диссертации. Правда, автор опирается исключительно на отечественную и англоязычную литературу. Исследование заметно выиграло бы, если в нём была хотя бы кратко была упомянута соответствующая литература на немецком, французском и испанском языках – при существующем уровне работы по написанию рецензий и реферативных обзоров эта задача не представляется слишком трудной.

Лада Владимировна не убедила меня в необходимости обращения в поисках истока именно к Суаресу. Не уверен, что это обращение более плодотворно для темы исследования, чем обращение, скажем к Авиннату. По самому же крупному счёту, поскольку собственно философское содержание схоластики – аристотелевское (подпорченное к тому же христианским догматизмом), то *начало*, о котором пишет автор, следовало бы поискать, вероятно, у основоположника метафизики как науки. Он писал, в частности, что ощущаемое, вне всякого сомнения, существует до акта ощущения, однако ощущение – *деятельность* ощущающего, и как только ощущение стало действительным, мы уже *не можем разделить* ощущаемое (объект) и ощущающего (субъекта), тем более это верно для более высоких ступеней познания, на которых *спонтанная активность* ума растёт: мы не можем отделить *предмет знания* от *знания предмета*, поэтому «*знание есть в некотором смысле то, что познаётся*». В каком же именно смысле – это и становится предметом последующей детальной разработки.

И последнее замечание. Автор обстоятельно показывает, почему объективность оказалась под сомнением и подозрением, и стала проблемой в результате развития самой науки. Наиболее существенное событие в этой истории – создание квантовой физики. Её роль в диссертации, однако, лишь упоминается. Мне кажется, что автор мог уделить копенгагенской интерпретации больше внимания, войти в детали и показать не просто проблематичность, но истинный *драматизм*, если не сказать *трагизм*, сложившейся в физике ситуации, вызвавшей непримиримое противостояние

Бора и Эйнштейна, а также дать оценку этой знаменитой дискуссии с позиций своей концепции.

Диссертация имеет чёткую логическую структуру, цели и задачи сформулированы достаточно ясно, решение поставленной крупной научной и философской проблемы можно считать хорошо обоснованным и достаточно оригинальным. Проблематика диссертации соответствует специальности 09.00.08 – философия науки и техники. Результаты исследования имеют теоретическую ценность и практическую значимость. Автореферат полностью соответствует основному содержанию диссертации. Представленное исследование соответствует требованиям пункта 9 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», и его автор, Лада Владимировна Шиповалова, заслуживает присуждения учёной степени доктора философских наук по специальности 09.00.08 – философия науки и техники.

Официальный оппонент:

Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-политических наук
Санкт-Петербургского гос. университета телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-
Бруевича.

С.А.Чернов

Адрес рабочий: Санкт-Петербург,
пр.Большевиков д.22, корп.1,
кафедра социально-политических наук.
E-mail: stchernov2009@yandex.ru

